

Юрий П. АНШАКОВ*

КНЯЗЬ ДАНИЛО – САМОВЛАСТНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ ЧЕРНОГОРИИ**

ABSTRACT: The paper analyzes some of the events from the reign of Prince Danilo Petrovic (1851-1860). The emphasis is on foreign policy of Montenegro in this period and the aspirations to free Montenegro of Russian influence and patronage. It sets out the circumstances that led to the change of Prince Danilo's foreign policy; plans for Montenegro to nominally recognize Turkish suzerainty and try to get other European countries recruited for these plans, whose implementation would mean a shift from pro-Russian policy. Special attention was paid to the battle of Grahovo (1858), territorial expansion that followed the demarcation with Turkey

KEY WORDS: Prince Danilo Petrovic, Montenegro, Russia, Paris Conference, battle of Grahovo

В октябре 1851 г. в Цетинье скончался митрополит Петр II Петрович Негош (1813-1851), незаурядный государственный деятель, бывший также выдающимся поэтом, чье творчество высоко ценилось в славянском мире. По хранившемуся в российском консульстве в Рагузе (Дубровнике) завещанию владыки его преемником становился племянник покойного митрополита Данило Станков Петрович Негош. 1/13 марта 1852 г. в Цетинье состоялась скупщина, где обсуждался вопрос об изменении формы правления Черногории. Скупщина приняла решение о провозглашении Черногории княжеством и установлении в ней светской наследственной княжеской власти. Целесообразность такого

* Доктор исторических наук, профессор, директор Поволжского филиала Института российской истории Российской академии наук.

** Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №15-11-63009 „Черногория в освободительной борьбе на Балканах (1711-1860 гг.)“

решения аргументировалась тем, что правящему с 1697 г. в Черногории дому Петровичей грозит пресечение рода по причине безбрачия митрополитов, а это, в свою очередь, может вызвать „разные возмущения и распри“ в стране. Князем был утвержден Данило Петрович Негош, а функции высшего духовного лица (епископа или архиепископа) было решено ограничить только делами церкви¹. Провозглашение Черногории княжеством явилось для страны эпохальным событием, но понадобилось еще некоторое время, чтобы черногорское общество реально ощутило на себе его неоднозначные последствия.

Путь Данилы к единоличной власти в Черногории не был безоблачным. Она досталась ему в тяжелой борьбе с ближайшими родственниками, из которых главным соперником Данилы был его дядя Перо Томов Петрович. Сам Данило во время этих судьбоносных для Черногории событий находился проездом в Вене по пути в Петербург. Данило и его сторонники сочли нужным, чтобы скупщина проходила в его отсутствие, под знаком народной инициативы, дабы в дальнейшем избежать каких-либо упреков со стороны соперников в оказании давления на принятие решения об избрании Данилы князем.

Стремясь заручиться поддержкой русского двора в признании за ним княжеского титула, Данило в марте 1852 г. прибыл в российскую столицу. В письменном обращении к императору Николаю I, ссылаясь на желание народа, он просил утвердить его в княжеском достоинстве. Эта просьба была воспринята с полным пониманием. В докладе канцлера К.В. Нессельроде Николаю I отмечалось, что Россия как держава-покровительница имеет право давать советы черногорскому народу, но она „едва ли может противиться“ тем мерам, какие касаются внутреннего устройства Черногории. Учтено было и то обстоятельство, что изменение формы правления, как тогда полагали в российском руководстве, не меняет внутреннюю и внешнюю политику страны, а подчиненность церковной власти светской пресекает саму возможность конфликтов между двумя ветвями власти. Также был учтен и молодой возраст Данилы и отсутствие у него желания к посвящению в монашеский сан. Приведя эти доводы Николаю I, К.В. Нессельроде предложил императору поддержать желание народа и черногорского правительства „на изменение нынешнего образа правления в Черногории“ и на принятие Данилой Петровичем Негошем наследственного княжеского титула². Николай I согласился с этим предложением, о чем он лично со-

¹ Доклад „По делам Черногории“ К.В. Нессельроде Николаю I, 8/20 апреля 1852 г. // Хитрова Н.И. Россия и провозглашение Черногории княжеством (1852) // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С.345.

² Там же. С.346-348.

общил Даниле во время встречи русского императора и черногорского князя. Заметим, что признание Россией права черногорского народа самому решать проблемы государственной власти по сути дела являлось отрицанием претензий Порты на ее сюзеренные права в отношении к фактически независимой Черногории.

В Стамбуле, разумеется, крайне негативно восприняли решение скупщины. Позиция Австрии в этой ситуации была двойственной. С одной стороны она не хотела из-за изменения формы правления портить отношения с Черногорией и Россией, поэтому австрийское правительство демонстрировало свое расположение к Даниле, а в апреле 1853 г. по личному приглашению императора Франца-Иосифа князь посетил Вену, где ему был устроен торжественный прием с военным парадом в его честь³. Вместе с тем, не желая осложнять отношений с Портой, венский кабинет в австро-турецких отношениях в дальнейшем придерживался концепции признания формального сюзеренитета султана над Черногорией.

Утвердившись во власти, князь Данило стал проводить активную внешнюю политику. Черногория при нем переходит к новой форме борьбы с турецкой агрессией – освободительным войнам. Во внешнеполитической деятельности черногорский правитель, следуя по пути своих предшественников, поначалу ставил следующие задачи: добиться международного признания независимости Черногории и расширения границ княжества, получения утраченного еще в начале XVIII века выхода к Адриатическому морю.

Постепенно князь Данило стал фактически распространять свое управление на пограничные области Герцеговины. Первоначально это произошло с Грахово, где черногорское влияние издавна было сильным, затем и с другими территориями (Зубцы, Ускоки, Пива и др.). Антитурецки настроенное население этих областей считало себя подданными князя. Здесь Данило утвердил органы местной власти, которые вершили суд на основе черногорских законов. Отказывая в уплате налогов мусульманским землевладельцам, население этих районов платило налоги в казну княжества⁴.

С начала 50-х годов резко активизируется борьба сербского населения Герцеговины. Центром освободительного движения стала область Зубцы, где борьбу возглавил „капетан“ (начальник округа) Лука Вукалович. Опорой этих восстаний стала Черногория, ставшая источ-

³ Распоповић Р. М. *Дипломатија Црне Горе 1711-1918*. Подгорица-Београд, 1996. С.247-248.

⁴ Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века. М., 1979. С.95.

ником всесторонней помощи повстанцам. Отсюда тайно поставлялось оружие, черногорские четы проникали в Герцеговину и пополняли боевые ряды повстанцев, герцеговинские беженцы находили в Черногории надежное убежище. Приступая к реализации внешнеполитической программы, направленной на присоединение к княжеству приграничных территорий, Данило решил нанести первый удар по Северной Албании, и в ноябре 1852 г. черногорцы овладели крепостью Жабляк. В ответ на эту военную акцию черногорцев шкодринский визирь Осман-паша издал приказ о мобилизации всего населения Северной Албании, способного поднять оружие. В свою очередь князь Данило также объявил всеобщую мобилизацию мужского населения Черногории, вплоть до 70-летних стариков.

В декабре 1852 г. бои шли в горах вблизи Скадарского озера. Черногорцам удалось захватить горные перевалы, и они не позволили противнику приблизиться к Жабляку и деблокировать его. Однако вследствие вмешательства западных держав и следуя российским рекомендациям, направленным на прекращение кровопролития, черногорцы оставили Жабляк. В конечном итоге конфликт из-за Жабляка, активное вмешательство Черногории и ее правителя в события в Герцеговине – все это привело к зимней черногорско-турецкой войне 1852-1853 гг., в которой атакованные с нескольких сторон черногорцы оказали упорное сопротивление войскам султана под командованием Омера-паши.

В конце января 1853 г. турецкое наступление все же выдохлось, неприятель присмирел, но угроза оккупации Черногории сохранялась. В дело была вынуждена вмешаться дипломатия. России, используя австро-турецкие противоречия в Далмации, удалось убедить Австрию выступить с совместным демаршем перед Портой в защиту Черногории. Это в конечном итоге заставило Турцию прекратить наступление, а затем вывести свои войска из Черногории. Однако жестокая и кровавая „Омер-паши година“ надолго запала в народную память. Князь Данило высоко оценивал роль России в ходе черногорско-турецкой войны. Эта мысль явственно присутствует в благодарственном послании князя русскому императору, где он выражал признательность за помощь и поддержку в войне с Турцией⁵. Таким образом, первая попытка князя Данилы присоединить к Черногории пограничный район Северной Албании закончилась провалом, а начавшаяся вслед за тем война едва не привела к оккупации Черногории. После ее окончания на рубежах Черногории установился относительный мир.

Надо сказать, что провозглашение Данилы наследственным кня-

⁵ Князь Данило – Николаю I, 20 марта / 1 апреля 1853 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. 1853 г. Д.334. Л.122-123.

зем, признание и поддержка русским правительством нового черногорского правителя – все это усилило позиции Данилы в стране, но все-таки внутренняя оппозиция власти князя оставалась. Проявив себя еще во время борьбы Данилы за престол, эти силы не были намерены капитулировать перед князем, покорно следовать его курсу. Оппозиция была представлена двумя течениями, каждое из которых возглавлялось братьями покойного митрополита Петра II Петровича Негоша. Наиболее активной была группировка во главе с президентом сената Перо Томовым Петровичем. Кроме Перо Томова ее лидерами являлись сердар и сенатор Мило Мартинович, сенатор Стеван Перович Цуца. Возглавляя более двадцати лет созданный еще Петром II сенат, Перо Томов имел и там своих единомышленников, недовольных новым правителем. Другая ветвь оппозиции во главе с вице-президентом сената Георгием Петровичем включала его ближайших родственников – братьев Машана и Вука, племянника Крсто, влиятельного священника, попа Пунишу Павичевича и Тодора Кадича. Обе группировки противостояли не только князю, но и друг другу, что облегчало Даниле борьбу с ними. Политические противники князя выступали против авторитарных методов управления Данилы, которому, как замечал находившийся тогда в Черногории российский дипломат Н.Д. Ступин, все явственнее „хотелось быть беспрекословным деспотом“⁶. Оппозиция рассчитывала урезонить князя, но реальная власть была на стороне Данилы, в руках которого сконцентрировались основные рычаги государственного управления и военные силы.

В конечном итоге главный политический оппонент Данилы Перо Томов вместе со своими сторонниками и родственниками в ноябре 1853 г., спасаясь бегством, укрылись в австрийских владениях в Которе. Практически сразу беглецы обратились в российское посольство в Вене с жалобой на то, что Данило управляет страной „подобно Неронам и Калигулам Римским“⁷. Они обвиняли князя в несправедливых гонениях и преследованиях, подготовке убийства Перо Томова и его сторонников, чем и было вызвано их бегство⁷. В свою очередь князь обвинил своих родственников-оппозиционеров в государственной измене, намерении свергнуть его с престола, чтобы потом передать бразды правления Перо Томову⁸. В Котор был направлен Мирко Петрович

⁶ Николай Ступин. Из путевых заметок // Черногорско-руски односи 1711-1918. Подгорица-Москва, 1992. Књ.1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С.275.

⁷ Перо Томов Петрович Негош, М. Мартинович, С. Цуца и др. П.К. Мейендорфу, Котор, 20 ноября / 2 декабря 1853 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1853 г. Д.334. Л.226-227.

⁸ Надо сказать, что эти обвинения Данилы не были совсем голословными. Так, Перо Томов и Мило Мартинович, когда Данило в 1852 г. направлялся в Россию, организо-

с предложением эмигрантам вернуться на родину и опровергнуть выдвинутые обвинения, однако это предложение князя было отвергнуто. Тогда сенат, идя на поводу у Данилы, приговорил Перо Томова и двух его ближайших сторонников – Мило Мартиновича и Стевана Перовича Цуцу – „как предателей своего государя и отечества“ в случае их появления в Черногории к смертной казни, как, впрочем, и любого черногорца, давшего им убежище⁹. В это „семейное дело“ вмешался находившийся тогда в Черногории со специальной миссией многоопытный в черногорских делах Е.П. Ковалевский. Пользуясь своим влиянием на князя, он добился от него разрешения вернуться на родину Перо Томову. Однако ему не суждено было вернуться в Черногорию, так как в январе 1854 г. в возрасте 65 лет Перо Томов Петрович скончался в Которе. Его прах был перенесен на родину в селение Негуши. Другие политические оппоненты князя, находясь в эмиграции, продолжили вести активную политическую агитацию против Данилы.

Одновременно с оппозицией в высшем руководстве страны князю Даниле пришлось вести борьбу с сепаратизмом отдельных племен. При правлении князя Данилы было несколько крупных выступлений в сепаратистски настроенных пограничных нациях, подавлявшихся силой оружия. Сепаратистские тенденции обуславливались не только противодействием части старейшин, выступавших против ограничения князем их власти и привилегий, но и экономическими причинами, в частности, введением подоходного налога, который должно было платить каждое семейство в зависимости от имущественного положения. Противники введения налога обращались к черногорцам со следующими словами: „Если мы туркам ничего не платим, почему мы должны платить Данилу Станкову, голодранцу с Негушей, который хочет нас обобрать и ограбить как будто он паша?“¹⁰.

Первыми против намерения князя ввести подать в декабре 1852 г. восстало брдское племя Пипери. Здесь предводителем выступил Радован Мрчарица, открытый противник Данилы. Мятеж был быстро подавлен военным путем. Р. Мрчарица и некоторые другие предводители мятежников сбежали в Шкодру, а 14 человек были расстреляны¹¹. Народные возмущения происходили не только из-за сопротивления госу-

вали на него покушение с целью убийства (Никчевић Т. Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX вијеку (Отпор стварању државе). Цетинье, 1958. С.189).

⁹ Князь Данило – П.К. Мейендорфу, 18/30 ноября 1853 г. // АВПРИ. Ф. ГА.V-A2. Д.334. Л.225-225об.; Павићевић Б. Данило I Петровић Његош... С.173.

¹⁰ Јовановић Ј. Стварање црногорске државе и развој црногорске националности. Цетинье, 1951. С.243.

¹¹ Там же. С.243-244; Никчевић Т. Политичке струје у Црној Гори ... С.189-190.

дарственным реформам, но и явного произвола княжеской власти. Так произошло в Белопавличах (Брда) в июле 1854 г., когда князь Данило со свитой посетил Острожский монастырь, где присутствовал на церковных торжествах. Его перьяники с попустительства князя совершали всевозможные насилия и бесчинства над населением Белопавличей. Злодеяния княжеских перьяников можно лишь сравнить со схожими бесчинствами опричников царя Ивана Грозного (1530-1584 гг.). Им не хватало только привязанных к седлам коней собачьих голов и метлы в знак того, что они как псы грызут царских лиходеев и метут Россию. В ответ жители Белопавличей взялись за оружие. Около 700 человек приняло участие в восстании, главную роль в котором играли некоторые старейшины из рода Бошковичей. Прибывший из Катунской нахии отряд разбил повстанцев. По распоряжению князя Данилы дома Бошковичей были сожжены, их имущество конфисковано, а сами Бошковичи вынуждены были бежать из Черногории и укрыться в Шкодре. Непродуманная и жесткая политика князя привела к тому, что в этом стихийном бунте принимали участие и те старейшины, которые являлись сторонниками реформаторской деятельности князя, но не принимали его авторитарных методов правления¹². Находившийся тогда в Вене Е.П. Ковалевский, узнав о подавлении восстания в Белопавличах, пытался увещевать князя и призывал „ради Бога щадить кровь православных и не прибегать к крутым мерам“¹³.

Наибольший сепаратизм во время правления князя Данилы проявляло брдское племя Кучи. Тесные торговые связи, поддерживаемые населением этого племени с турецкими владениями, способствовали определенной экономической и политической обособленности этой территории. Турецкие власти стремились поддерживать сепаратистские тенденции племени, оказывали ему материальную поддержку. Население племени Кучи не платило подати турецким властям и не хотело платить ее черногорским, как это с 1853 г. делали другие племена Черногории и Брды. Князь Данило решил „огнем и мечом“ покончить с проявлениями сепаратизма, окончательно подчинить это племя своей власти. С этой целью были предприняты две карательные военные экспедиции (в мае 1855 г. и июле 1856 г.). Во втором из них приняло участие, по различным оценкам, от 3,5 до 10 тыс. человек¹⁴, цифра

¹² Павићевић Б. Стварање црногорске државе. Београд, 1956. С.395-398; Јовановић Ј. Стварање црногорске државе и развој црногорске националности... С.259-260.

¹³ Е.П. Ковалевский – князю Даниле, 9/21 июля 1854 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф.356 (Е.П. Ковалевский). 1852-1854 гг. Д.59. Л.72.

¹⁴ Павићевић Б. Данило I Петровић Његош... С.233.

впечатляющая по черногорским масштабам. Перед походом князь отдал приказ не щадить никого, даже грудных младенцев. Оба раза экспедиционные силы возглавлял Мирко Петрович, в жестокости мало уступавший Даниле. После первого похода в Кучи число убитых составило около 80 человек. Среди них были старики и дети, виноватые и правые (среди жертв были Зеко Йованович, Радован Станков и другие „старые турецкие кровники“). Второй поход по численности жертв превзошел первый. В нем было убито свыше 200 человек, среди которых оказалось только 17 способных носить оружие. Было сожжено 13 селений и ограблено около 800 домов, угнано множество голов скота¹⁵. После этой кровавой расправы племена Черногории и Брды стали платить налог¹⁶.

Ликвидация остатков сепаратизма и какого-либо сопротивления привела к установлению князем Данилой режима жесткого государственного централизма. Достигнуто это было кровавыми и жестокими мерами, что возбуждало в народе страх и ненависть к князю Даниле и его окружению, особенно в тех местах, где прошли карательные акции, чрезмерная суровость которых не находит оправданий. Прибегая к чрезмерному и бессмысленному террору, иногда направленному против его потенциальных сторонников, князь хотел тем самым утратить всех черногорцев, подавить даже самую возможность возникновения какой-либо серьезной оппозиции его деспотическому режиму. Князь Данило, человек чрезвычайно крутого нрава, был истинным реформатором и по-своему справедливым: он хотел, чтобы всем было одинаково плохо. И, надо признать, это у него получилось.

Борьбой с внутривосточной оппозицией и сепаратизмом не исчерпывались меры, направленные на укрепление авторитарного режима правления князя. В 50-х гг. были проведены преобразования вооруженных сил Черногории, на смену народному ополчению пришло „крестоносное войско“, получившее это название за жестяной крестик на головном уборе воина. Войско было поделено на десятки, сотни и тысячи, также было учреждено элитное подразделение – гвардия в сос-

¹⁵ Павићевић Б. Стварање црногорске државе... С.401; Он же. Историја Црне Горе. Књ.4. Сздање црногорске националне државе. 1796-1878. Подгорица, 2004. С.344.

¹⁶ В 1857 г. Данила вдвое увеличил пошлину и налогообложение. Однако „единогласный ропот“ против увеличения налогов заставил князя на время приостановить их сбор. Данила также выручал деньги от продажи отобранных им монастырских имений, а также от конфискации и продажи земель и имущества тех черногорцев, которые были убиты по его приказу или бежали из Черногории. Кроме того, через посредничество Мирко Петровича и сенатора Иво Ракова Радоница он ссужал черногорцам деньги под большие проценты или продавал им за двойную цену купленный в Которе хлеб (Записка П.Н. Стремоухова. 1857 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918. Подгорица-Москва, 1992. Књ.1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С.292).

таве 1 тысячи человек. Верховным главнокомандующим был князь. Военнообязанными считались мужчины в возрасте от 18 до 50 лет, другие возрастные группы могли служить в войске, но исключительно на добровольных началах¹⁷. Такой облик вооруженные силы Черногории сохраняли до 1903 г., то есть до создания регулярной армии. Данило упразднил должности кнезов, поскольку князь должен был быть в Черногории один, и даже чисто фонетическое сходство слов не устраивало Данилу. Функции кнезов перешли к „капетанам“, каждый из которых на территории своего племени являлся высшим должностным лицом, выполнял военные и судебные обязанности.

С утверждением княжеского абсолютизма значение и роль скупщины как органа народного представительства практически сошла на нет. Она стала представлять собой сравнительно узкий круг лиц – высших государственных функционеров. Созыв и роспуск скупщины происходил по распоряжению князя, представлявшего на ее рассмотрение свои указы и постановления, которые беспрекословно утверждались скупщиной. Вместе с тем Данило не решился пойти на упразднение скупщины, поскольку это было бы явным покушением на вековые традиции черногорского общества.

Жесткая самодержавная система правления делала власть князя практически безграничной. Принятый в 1855 г. „Законник князя Данилы“ объявлял князя лицом неприкосновенным, „как святыня для каждого черногорца и брдянина“, за оскорбление „личности или достоинства“ князя полагалась смертная казнь¹⁸. Законник фиксировал права и обязанности государственных органов власти, предусматривал строгие наказания за государственную измену, злоупотребление служебным положением, нарушение общественного порядка. Законник был приспособлен к условиям жизни Черногории середины XIX в., в нем учитывалась специфика общественных отношений, его законоположения соответствовали уровню правосознания черногорского общества того периода¹⁹.

¹⁷ Никчевић Т. Политичке струје у Црној Гори ... С.206.

¹⁸ Бојовић Ј.Р. Законик књаза Данила. Титоград. 1982. С.52; Аншаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856 гг.). М., 1998. С.341.

¹⁹ Ст.1 Законника провозглашала равенство всех жителей Черногории перед законом, а ст.2 гарантировала им „по унаследованной и до сего времени сохраняемой свободе... ныне и впредь честь, имущество, жизнь и свободу“. Эти принципы, декларирующие основное конституционно-правовое начало, сложились не под влиянием европейских революций 1848-1849 гг. и якобы последовавшего затем проникновения в черногорское законодательство некоторых норм буржуазного права, как полагает ряд исследователей (См. например: Павићевић Б. Данило I... С.225-226; Формирование национальных независимых государств на Балканах (Конец XVIII - 70-е годы XIX в.). М., 1986. С.193; История южных и западных славян. МГУ, 1979. С.242; Исто-

Данило сознавал, что проводимые им государственные преобразования должны сопровождаться просвещением народа. С самого начала своего правления князь проявлял заинтересованность в развитии школьного образования, однако учрежденные им несколько школ практически сразу прекратили свое существование из-за недостатка средств. Во время правления Данилы продолжала функционировать только школа в Цетинье, открытая еще в 1834 г. митрополитом Петром II, где в свое время получил образование и сам князь. Цетинская школа на время прервала обучение в 1852 г., когда Омер-паша вторгся в Черногорию и все ученики ушли на войну, „в старую школу черногорскую“, но уже в 1855 г. учебный процесс в ней возобновился, во многом благодаря стараниям княгини Даринки, ставшей в этом году женой князя. Надо сказать, что черногорские дети проходили обучение и вне пределов тогдашней Черногории. Так, в Подгорице с 1851 года под руководством и во многом за счет учителя-черногорца функционировала начальная школа, где в конце 50-х гг. богословию, чтению, правописанию, азам арифметики обучалось 65 мальчиков. До получения более глубоких знаний, и, в частности, по сербской истории, большинство школьников не доходило, так как их родители после того, как дети „научились подписывать свое имя“, забирали их из школы, чтобы не платить за обучение. Первоначально из-за противодействия турецких властей обучение проходило

рия Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856-1878 гг.). М., 2012. С.134). Не соглашаясь с подобными суждениями, имевшими место еще в прошлом веке, П.А. Ровинский аргументированно утверждал, что начала, основанные на принципах равенства, присущи черногорцам с незапамятных времен, и они постоянно старались их отстаивать в упорной борьбе (Ровинский П.А. Имущественный законник Черногории 1888 г. и его отношение к народной жизни и обычному праву. // Юридический вестник. М., 1892. Т. XII. Кн.4. С.505). Собственно говоря, схожие принципы присутствовали и в Законнике 1798-1803 гг. Так, например, ст.23 также предусматривала равенство всех черногорцев перед законом и предполагала отрешение судьи от должности, если „он сторону неправую в суде начнет держать ради какой-либо дружбы или характера знатности“ (Бојовић Ј.Р. Рукопис Законика митрополита Петра Првог Петровића. // Исторически записи. 1992. Св.1-4. С.45). Затем эта статья была объединена со ст.22 и в откорректированном виде перекочевала в Законник князя Данилы (ст.6), согласно которой судья должен был помнить присягу и судить „по правде малому и великому“. Поскольку буржуазные отношения в их классическом виде в 50-х годах XIX века в Черногории отсутствовали, то и предполагать наличие норм буржуазного права в Законнике, на наш взгляд, неуместно. Содержащийся в нем принцип равенства перед законом обусловлен устоями традиционного общества, так как родовое начало и тогда, и значительно позже было еще сильно в Черногории. Это, например, в начале XX века отмечал русский военный агент в Черногории Н.М. Потапов (Н.М. Потапов. Руски војни агент у Црној Гори. Т.1. Извјештаји, рапорти, телеграми, писма 1902-1915 гг. / Отв. редакторы А.Н. Сахаров, Р. Распоповић. Составители: Н.И. Хитрова, Р. Распоповић, Л.И. Цвижба, С. Распоповић, Л.П. Колодњикова. Подгорица-Москва, 2003. С.657. Прим. д.).

не в самой Подгорице, а в ветхой церкви, расположенной неподалеку. С открытием в 1857 г. русского консульства в Скуtare и благодаря деятельности консула А.Е. Сученкова школа стала легально функционировать уже в самой Подгорице. Однако проблемы, в основном финансовые, оставались, и педагог рассчитывал на получение помощи из России, чтобы „содержать школу нашу в должном порядке“²⁰.

С начала Крымской войны 1853-1856 гг. князь Данило заверял в готовности черногорцев по первому призыву России „ударить на пограничного неприятеля веры и закона нашего“²¹. Однако реализовать эту масштабную военную операцию помешало враждебное отношение Австрии к вступлению черногорцев в войну против Турции, а также отступление русской армии за Дунай. На протяжении Крымской войны Данило высказывал пожелание победы России в войне. Так, в мае 1855 г. в письме к находившемуся тогда в Крыму Е.П. Ковалевскому замечал: „Вы теперь в Севастополе! В месте, где ежедневно сражение приключается для обороны православной веры, для чести и славы империи всероссийской... Если бы все европейские народы бросились противу России, я надеюсь в Господа Бога, что Россия опять будет победителем“. Далее он замечал, что „каждую победу единоверных и единоплеменных нам руссах сообщая народу, который над подобным ликует, яко над своей собственной“²².

Во время Крымской войны и сразу после нее усилились попытки западных держав установить свое влияние в Черногории и ослабить

²⁰ Письмо учителя из Подгорицы российскому консулу в Скутари А.Е. Сученкову // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Июнь. Отд. 7. С.150-151.

²¹ Князь Данило – Е.П. Ковалевскому. 6/18 мая 1854 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). Д.276. Л.22-21.

²² Князь Данило – Е.П. Ковалевскому. 6/18 мая 1855 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). Д.276. Л.30. Князь Данило снабдил одеждой и деньгами на проезд до Вены захваченных в Крымскую войну двух русских пленных – подпоручика Украинского егерского полка Синдоровского и юнкера Украинского резервного полка Кузминского. В августе 1855 г. они были освобождены из турецкого плена благодаря стараниям черногорца Нико Лекича, который, заплатив 300 талеров за проезд на австрийском пароходе „под именем черногорцев“, доставил их в январе 1856 г. из Константинополя в Черногорию. Затем офицер и юнкер в сопровождении Н. Лекича отбыли в Россию, где в марте 1856 г. военный министр князь В.А. Долгоруков представил Лекича Николаю I. За свой „доблестный поступок“ Лекич был награжден золотой медалью на Владимирской ленте и Похвальным листом „с описанием в нем оказанных услуг“. Все денежные затраты Лекича, включая обратный проезд, были компенсированы российским военным министерством (АВПРИ. Ф.ГА I-14. 1856 г. Д.2. Л.13, 15-15об, 18об.). Дальнейшая судьба Н. Лекича также связана с Россией. 1 августа 1857 г. он поступил на военную службу в Кабардинский пехотный полк, где, участвуя в боевых действиях на Кавказе в 1858 г., стал унтер-офицером (Н. Лекич – Е.П. Ковалевскому, 12/24 декабря 1861 г. // ОР РНБ. Ф.356 (Е.П. Ковалевский). Д.252. 1861 г. Л.1).

или вообще уничтожить влияние России в ней. Австрия традиционно на протяжении многих десятилетий стремилась заменить русское покровительство своим. С открытием в 1853 г. своего вице-консульства в Скадаре начала активизировать свою политику в Черногории и Франция. В апреле 1855 г. князь Данило согласился на посреднические услуги вице-консула Иясента Геккара (Negquard) в налаживании мирных отношений на турецко-черногорских границах. Геккар, а также учитель французского языка Анри Деларю, ставший впоследствии при Даниле секретарем князя по иностранным делам, всячески старались убедить князя, что только французский император Наполеон III в настоящее время способен помочь „утвердить независимость Черногории“²³. Тогда же от имени французского правительства князю было обещано признание независимости Черногории со стороны западных держав и увеличение ее территории. Под их влиянием князь стал склоняться к мысли принять покровительство Франции над Черногорией. После поражения России в Крымской войне князь обратился к поиску нового союзника, способного, как он считал, помочь в реализации его внешнеполитических планов. В мае 1856 г. Данило, игнорируя при этом Порту, направил через своего адъютанта Данилу Вуковича европейским правительствам, чьи представители являлись участниками Парижского конгресса, меморандум, где выдвигались требования о признании независимости Черногории, расширении ее территории в сторону Герцеговины и Албании, определении границ Черногории с Османской империей и присоединения к ней Адриатического побережья вплоть до Бара²⁴.

Россия, чьи возможности сузились, Черногории здесь ничем помочь не могла, зато из Парижа Наполеоном III и министром иностранных дел Ф.А. Валуевским было заявлено, что Франция готова оказать помощь Черногории в решении территориального вопроса, но с одной существенной поправкой: князь Данило должен вступить в переговоры с Портой и согласиться признать сюзеренитет султана.

И. Геккар обещал Даниле спокойствие на рубежах страны, выход на Адриатику, официальное признание Портой его княжеского титула, и все это за номинальное, как его пытались уверить, признание турецкого подданства черногорцами²⁵. Щедрые посулы консула Геккара,

²³ А.Е. Влангали – Е.П. Ковалевскому, 16/28 сентября 1858 г. // АВПРИ. Ф.ГА Политотдел. 1858-1860 гг. Д.1. Л.74.

²⁴ См. текст меморандума: Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении... С.113; Јовановић Р. Црна Гора и велике силе 1856-1860. Титоград, 1983. С.21; Павићевић Б. Данило I Петровић Његош... С.252, и др.

²⁵ Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений (Дипломатическая борьба 1857-1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории // Исторические записки. М., 1958. Т.63. С.131.

а именно он стал главным проводником этой идеи, его заверения, что Черногория взамен признания номинального сюзеренитета приобретет реальные политические выгоды, расширит территорию, приделись по душе Даниле. Наряду с Геккаром сильнейшее давление на князя оказывали его жена Даринка и А. Деларю. Князь Данило, несмотря на возражения противников подчинения Черногории Турции внутри страны, таких как Георгий Петрович, секретарь князя Милорад Медакевич, сенатор Новица Церович и др., вступил в переговоры с Портой.

Данилой была разработана новая внешнеполитическая программа Черногории, которая в окончательном варианте была представлена в документе, озаглавленном „Договор, по которому князь черногорский и брдский со своей точки зрения на независимость соглашается признать номинально сюзеренитет Оттоманской Порты“. В нем излагались условия, исполнением которых князь обуславливал свое согласие стать номинальным вассалом Турции. Князь, помимо присоединения к Черногории приграничных районов Герцеговины, Албании и Адриатического побережья с Баром, установления там своего правления, добивался от Порты права продавать и обменивать эти земли. Всю полноту верховной власти, включая административный аппарат, финансы, вооруженные силы, князь желал сохранить в своих руках. Кроме того, Данило выдвигал требования о присвоении ему королевского титула, наследственной власти для династии Петровичей Негошей, права чеканить свою монету, сохранения герба в виде двухглавого орла, назначения дипломатического представителя в Константинополь и пр.²⁶

Абсолютно не искушенный в тонкостях большой европейской политики, убаюканный беспочвенными, обнадеживающими заверениями французской дипломатии, князь Данило, искренне веривший в реальность этих планов, добивался для Черногории полной автономии во внутренних делах и внешней политике²⁷. По сути дела он хотел получи-

²⁶ Павићевић Б. План књаза Данила за регулисање односа с Портом 1856 године // Историјски записи. 1960. Књ. XVII. Св. 1. С. 54-56; Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении... С. 118-119; АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1856 г. Д. 714. Л. 10-11 об. Позднее адъютант князя Данилы Л. Влахович замечал по этому поводу, что Данила согласился пожертвовать независимостью Черногории только временно, чтобы затем, воспользовавшись „первым случаем“, объявить независимой не только Черногорию, но и Герцеговину. Сам Влахович считал эту затею князя безрассудной (К. Д. Петкович – Л. М. Горчакову, 27 апреля/9 мая 1858 г. // АВПРИ. Ф. ГА V-A2. Оп. 181/2. 1858 г. Д. 718. Л. 62 об.).

²⁷ Покойный академик Бранко Павичевич, с которым я был лично знаком и которого считаю одним из своих учителей, безусловно, являлся наиболее выдающимся специалистом по самым различным аспектам черногорской истории и истории русско-черногорских взаимоотношений, автором превосходной монографии о князе Даниле. Вместе с тем он, на наш взгляд, чрезмерно идеализирует личность Данилы, ког-

ть от Порты признание фактической независимости страны взамен сугубо декларативного признания сюзеренитета султана. При этом князь действовал и в интересах укрепления своей власти, так как получал бы право неограниченно распоряжаться земельными владениями, войсками и финансами страны. Естественно, что Порта не могла принять эти условия, поскольку такой статус Черногории не оставлял в руках султана фактически никаких рычагов власти, не давал ему контроля над страной, а расширение территории Черногории приводило к распространению такого же положения и на новые земли.

Вместе с тем, даже если гипотетически предположить согласие Стамбула на проект Данилы, князь, а вместе с ним и Черногория вступали в слишком рискованную для себя политическую комбинацию. Номинальный сюзеренитет султана над Черногорией, широковещательно признаваемый перед всеми европейскими державами, мог превратиться и во вполне реальный. Черногория в течение долгого времени упор-

да представляет его как создателя государства, способного очень рационально разбираться в наисложнейших проблемах европейской политики. Б. Павичевич утверждает, что Данило быстро осознал, что Крымская война показала всю гнилостность и немощь крепостнической России „подобно раку, разъедающему организм великой империи”. Князь без всякого труда видел все то, что наносило „смертельный удар Священному союзу и его политической системе, которой верно служил Николай I, тратя драгоценное время служению европейской реакции”. Именно такая политика, по мнению Б. Павичевича, заставила князя Данилу „освободиться от петербургских прихотей” и искать опору в другом европейском государстве, сохраняя при этом тактичность и дипломатичность, дабы не вызвать гнев „старой покровительницы” (Павићевић Б. Историја Црне Горе. Књ.4. Саздање црногорске националне државе... С.347). На наш взгляд, в отличие от своих предшественников, митрополитов Петра I и Петра II Петровичей Негошей, которые действительно весьма хорошо ориентировались в большой европейской политике, князь Данило поначалу не обладал этим качеством, действовал зачастую под влиянием эмоций, скоропалительно и опрометчиво. Его планы с помощью Франции добиться признания независимости Черногории, а затем согласия признать номинальный сюзеренитет султана в обмен на включение в состав княжества приграничных земель были абсолютно нереальны в условиях той международной обстановки, какая сложилась в Европе после окончания Крымской войны. Сам Данило со временем убедился в этом. Действительно, принципы Священного союза в угоду сохранения мира и стабильности в Европе исключали поддержку национально-освободительных движений, принося тем самым в жертву интересы народов, борющихся за свободу и обретение независимости. Однако заметим, что именно поражение в Крымской войне заставило российское руководство пересмотреть свою внешнюю политику, сосредоточить внимание на славянском вопросе с целью всесторонней поддержки славян. Свидетельством тому, помимо прочего, являлось назначение на пост директора Азиатского департамента, в сферу деятельности которого входило все, что связано с Балканами, Е.П. Ковалевского – человека, принимавшего близко к сердцу нужды славян и особенно черногорцев. Попутно отметим, что вряд ли князь Данило сколь-нибудь глубоко разбирался в проблемах крепостного права в России, чтобы хоть как-то рассуждать о его гнилостности.

но отстаивала и доказывала Европе свою независимость и вольно или невольно приучила европейские державы выделять ее среди других стран, чья вассальная зависимость от султана не вызывала каких-либо сомнений. Правительства и дипломатическое руководство Австрии, Англии, Франции знали реальное положение фактически независимой Черногории, но, заинтересованные в сохранении целостности Османской империи, не желая осложнять свои отношения с Портой, не шли на признание независимости Черногории в любой форме, а, наоборот, поддерживали претензии Порты на Черногорию. Отказываясь официально от суверенитета, Черногория лишалась своего главного козыря. Поле ее дипломатической игры, маневра значительно сужалось. При удобном случае по тому или иному поводу Турция могла организовать крупномасштабные военные действия против Черногории, которые могли привести к полной ее оккупации. При этом у черногорцев и их правителя исчезал шанс даже жаловаться на турецкую агрессию, как это было, например, в черногорско-турецкую войну 1852-1853 гг. Султан мог, не опасаясь мнения Европы, покарать непокорных подданных, а в случае обращения князя Данилы к европейским дворам он бы услышал, что Черногория сама добровольно признала сюзеренитет султана, и никто бы не стал вникать в то, насколько он должен быть номинален.

Русское правительство ни в коей мере не желало выпускать Черногорию из сферы своего влияния, а угроза этого становилась все очевиднее. И. Геккар в беседе с генеральным консулом в Рагузе П.Н. Стремоуховым откровенно заявил, что признание князем Данилой турецкого сюзеренитета реально и об этом уже было заявлено великим визирем Али-Мехмет-пашой²⁸. Геккар „и все лица, действующие в его смысле“ обещали Даниле обеспечение полного спокойствия в Черногории, расширения ее границ, порт на Адриатике, официального признания Портой за Данилой его княжеского титула, и все это взамен признания лишь номинального турецкого владычества. Взамен этих блестящих перспектив Стремоухов мог посоветовать Даниле только „сохранять невыносимый для него status quo“²⁹. Понятно, что Данило, абсолютно веривший Геккару, безоговорочно принял предложение французского дипломата, хотя уже тогда „уважаемые старейшины черногорские умоляли его не доверять обещаниям Геккара и не отдаляться от России“³⁰.

²⁸ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 18/30 сентября 1856 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.5.

²⁹ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 7/19 ноября 1856 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.13.

³⁰ Записка П.Н. Стремоухова 1857 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918... С.289.

Приступая к реализации своих планов, князь Данило объехал все нахии, где различными способами и средствами старался приготовить народ к одобрению его замыслов. „На массу народа князь и его агенты, действуя обманом, уверяя всех, что получивши от Турции Герцеговину и часть Албании, Черногория делается столь сильною, что в самое короткое время не только будет в состоянии объявить себя вполне независимым государством, но даже предписать султану какие захочет условия, как эти условия не нелепы“, – замечал по этому поводу П.Н. Стремоухов³¹.

Князь Данило вступил на путь конфронтации с Россией. Когда вследствие плохого урожая в Черногории Даниле был предложен русский хлеб, то князь через Геккара предпочел закупить его в Турции. Александр II обусловил выплату ежегодной субсидии Черногории отказом Данилы от всех переговоров о сюзеренитете султана, на это Данило демонстративно заявил с полным пренебрежением, что сумма, выделяемая Черногории русским правительством, не может уравновесить той огромной выгоды, которую получит его страна от Турции с помощью западных держав³². Князь добился своего: в ноябре 1856 г. русское правительство временно приостановило выплату установленной еще при митрополите Петре II Петровиче Негоше (1837 г.) ежегодной государственной субсидии Черногории в размере 80 тысяч рублей. Князь Данило был чрезвычайно уязвлен и поклялся никогда не позабыть слов, якобы сказанных его адъютанту Д. Вуковичу, направленному князем в Париж в мае 1856 г., тогда еще послом в Вене А.М. Горчаковым: „Черногория не должна забывать, что существует милостынею России“³³. П.Н. Стремоухов утверждал, что эти слова являются выдумкой самого Вуковича³⁴ Вряд ли такой опытный дипломат, каким был Горчаков, мог позволить себе что-то подобное. Но если такое высказывание высокопоставленного российского дипломата все же имело место, то оно не украшало его, не способствовало налаживанию русско-черногорских отношений и, безусловно, больно задело самолюбие князя. Вместе с тем следует сказать, что именно за счет субсидий России как по государственной, так и по церковной линии Цетинскому монастырю (1 тысяча червонных через два года на третий) погашались расходы на содержание государственного аппарата и оборону. Доходы Черногории,

³¹ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 26 января/7 февраля 1857 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1857 г. Д.716. Л.11об.

³² Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений... С.131.

³³ Там же.

³⁴ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 16/28 ноября 1856 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1856 г. Д.714. Л.19.

включая обе российские субсидии, составляли в рублевом эквиваленте 25 тысяч червонцев, или 250 тысяч рублей в год, а расходы – 50 тысяч рублей³⁵. Однако излишки доходов государственного бюджета шли не на улучшение жизни черногорского народа, а на выплату долгов разорившейся родни княгини³⁶, да и сама Даринка не отличалась бережливостью.

Во время встречи Данилы в ноябре 1856 г. с П.Н. Стремоуховым князь произнес длинный монолог, в котором самым негативным образом отозвался о русской политике относительно Черногории. Он безапелляционно утверждал, что Россия никогда ничего не делала „для пользы Черногории, что все советы ее клонились ко вреду этой страны“. Российский консул отмечал, что Данило преувеличивает значимость Черногории и строит воздушные замки, направленные на основание „сперва сербского королевства, а потом и огромной империи“. В его суждениях консул заметил противоречивость – князь заверял русского дипломата, что помнит благодеяния императора Николая I и лично предан России, а через четверть часа заявлял, что Россия „постоянно обманывала Черногорию“³⁷. Тем самым князь откровенно провоцировал консула, еще более заострял конфликтную ситуацию.

Все попытки русофильской группировки в Черногории, и в первую очередь Георгия Петровича и Милорада Медаковича, отговорить князя Данилу от внешнеполитической переориентации и готовности подчинить страну Порте не давали положительных результатов. Старейшинам, разделявшим взгляды князя относительно Турции, Данило „обещал золотые горы, а тем из них, которые осмеливаются противоречить или только напомнить о России с признательностью и уважением, грозит немедленным лишением мест, изгнанием и даже смертью“³⁸. П.Н. Стремоухов сообщал о том, что одного слова со стороны любого черногорца в защиту России достаточно, чтобы „подвергнуть сказавшего всей немилости князя“. Отношения Данилы с русским консулом обострились до такой степени, что князь, по мнению Стремоухова, замышлял его физическое устранение³⁹. В письме к священнику русской православной церкви в Вене М.Ф. Раевскому консул, не стесняясь в выражениях, писал следующее: „Черногорию, кажется, оконча-

³⁵ Записка М. Медаковича. 1857 г. // Црногорско-руски односи 1711-1918... С.309.

³⁶ К.Д. Петкович – В.П. Балабину, 1/13 марта 1859 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1859 г. Д.719. Л.31-31об.

³⁷ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 16/28 ноября 1856 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. 1856 г. Оп.181/2. Д.714. Л.18об.-19об.

³⁸ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 26 января/7 февраля 1857 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1857 г. Д.716. Л.11об.

³⁹ Записка П.Н. Стремоухова 1857 г. // Црногорско-руски односи... С.290.

тельно губит сумасшедший негодяй Данило, совершенно отдавшийся в руки французским агентам и интригантам и думающий только об обогащении себя какими бы то ни было средствами, а свобода отечества и православие для него совершенно пустые слова. Все мои усиленные старания направить его на путь истины остались тщетными, и он до того вооружен против всего русского и так неприлично показывает это на вид, что я должен был прервать с ним все сношения. Все в воле Господней, но если не произойдет какой-либо благоприятной перемены, то эта страна окончательно погибнет и в политическом и в религиозном отношении⁴⁰. Заметим, что открытая конфронтация между российским дипломатом и черногорским князем лишь усугубляла и без того сложную ситуацию в русско-черногорских отношениях. Этим, в свою очередь, умело пользовались Геккар и Деларю, усиливая свое влияние на Данилу⁴¹.

В Петербурге под влиянием развития событий было принято решение прекратить вообще выплату государственной денежной субсидии, если Черногория признает сюзеренитет Порты. В то же время предлагалось сделать ее бессрочной, если князь Данило откажется от своих намерений⁴². Французскому послу в Петербурге графу Шарлю Морни во время беседы в российском министерстве иностранных дел было замечено, что консул Геккар явно превышает в Черногории свои полномочия⁴³. В условиях начавшегося русско-французского сближения из-за обоюдного недовольства, хотя и по разным причинам, австрийской внешней политикой Морни убеждал министра иностранных дел Ф.А.

⁴⁰ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е годы XIX века. М., 1975. С. 415.

⁴¹ А.Е. Влангали – Е.П. Ковалевскому, 16/28 сентября 1858 г. // АВПРИ. Ф.ГА Политотдел. 1858-1860 гг. Д.1. Л.74. В определенной мере этот конфликт напоминал ситуацию, сложившуюся в русско-черногорских отношениях в начале XIX века, когда митрополит Петр I Петрович Негош в 1802 г. попытался переориентироваться на Францию, рассчитывая, что она вступит в войну с Османской империей. Для нейтрализации возможности распространения французского влияния и для вызова митрополита в Россию на суд Синода в Черногорию был направлен российский эмиссар генерал-лейтенант М.К. Ивелич, у которого явно не сложились отношения с черногорским владыкой (См. об этом: Аншаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856 гг.). М., 1998. С.76-91; Распопович Р. Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1804-1806 гг. СПб., 2009. С.65-106). Для того чтобы нормализовать русско-черногорские отношения, Ивелич был заменен опытным дипломатом С.А. Санковским, а на смену П.Н. Стремоухову вскоре придет К.Д. Петкович, более дипломатично выстраивавший свои отношения с Данилой.

⁴² Шифрованная секретная депеша МИД А.Ф. Будбергу с резолюцией Александра II „Быть по сему”, 6/18 ноября 1856 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. 1856 г. Оп.181/2. Д.714. Л.132.

⁴³ Там же. Л.139.

Валевского в нецелесообразности портить отношения с Петербургом из-за второстепенного, с точки зрения французских интересов, черногорского вопроса⁴⁴. Заметим, что, добиваясь содействия Франции в черногорском вопросе, правительство России с самого начала дало понять парижскому кабинету, что не согласится ни на какие компромиссы, которые могли бы закрепить французское влияние в Черногории, изменить ее политический статус в отношении Турции.

Действия российской дипломатии принесли свои плоды, и князю Даниле вскоре пришлось в этом лично убедиться. Произошло это во время визита Данилы в Париж в марте-апреле 1857 г. Перед поездкой князь направил в Вену Д. Вуковича с целью „узнать по сему предмету мнение австрийского правительства и посланников российского и французского“. Все вышеназванные высказались против вояжа Данилы в Париж, но каждый по-своему аргументировал это. Российский посол А.Ф. Будберг отмечал, что визит Данилы не отвечает как интересам России, так и черногорского народа. Бесплезным путешествием считал это австрийский премьер-министр и министр иностранных дел К.Ф. Буоль. Вместе с тем он не видел для Черногории иного пути, кроме как „признать сюзеренство Порты и покровительство западных держав“. Схожее мнение высказал и французский политик барон Буркене⁴⁵. В итоге адъютант князя оказался более прозорливым, нежели Данило. Поэтому, возвращаясь из Вены, Вукович заехал в Рагузу, где при встрече со Стремоуховым поинтересовался у него, каким способом Данило может вновь вернуть „благосклонное расположение России“, обещая при этом отговорить князя от поездки во Францию. Ответ Стремоухова был прост и прямолинеен. Это станет возможным, как только князь „чистосердечно откажется от замышляемого им уничтожения свободы Черногории и начнет управлять ею сообразно с истинными ее пользами“⁴⁶. Вукович застал Данилу в Которе, на пути в Париж, но все его попытки переубедить князя оказались бесполезными. Уверенный в полном успехе своего визита, Данило продолжил путь во Францию. Более того, перед своим отъездом он многолюдно объявил, что всякий из черногорцев, который посмеет произнести хотя бы одно слово „в пользу России и ее правительства, будет сочтен изменником и казнен смертью“⁴⁷. Получалось так, что смерти заслуживает и его адъютант Вукович, который, конечно, не осмеливался категорично заявля-

⁴⁴ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70 годы XIX в. М., 1970. С.160.

⁴⁵ Записка П.Н. Стремоухова 1857 г. // Черногорско-русски односи ... С.290-291.

⁴⁶ Там же. С.291.

⁴⁷ Там же.

ть князю о бессмысленности и вреде разрыва отношений с Россией, но понимал это.

Поскольку на визит Данилы не было дано официального согласия руководства Франции, он вместе с женой и свитой отправился в путь как „Катунский воевода“. В Париже первая, хотя и неофициальная встреча на высоком дипломатическом уровне состоялась у Данилы с русским послом во Франции П.Д. Киселевым. Князь, излагая свои планы, заявил, что у Черногории есть только два выхода из существующего положения. Это признание европейскими державами независимости Черногории от Турции с предоставлением ей различного рода субсидий, либо при условии территориального расширения Черногории ее согласие на признание сюзеренитета султана. Ввиду нереальности первого выхода Данило выбрал второй. Выслушав князя, Киселев, не вдаваясь в подробности, заявил только, что его правительство недовольно поведением черногорского князя⁴⁸.

Однако и расчет Данилы на поддержку его плана Францией оказался излишне оптимистичным. Князю был оказан сдержанный прием Наполеоном III и Ф.А. Валевским. Валевский посоветовал князю непосредственно самому договариваться обо всем с Портой, обещая при этом содействие со стороны французского и русского посланников в Константинополе Тувенеля и Бутенева. Однако такой вариант не устраивал Петербург, поскольку российское руководство, и небезосновательно, сомневалось, что в Константинополе Англия и Австрия обойдут молчанием вопрос о признании верховенства Порты над Черногорией⁴⁹. Это было неприемлемо для России, но пока еще устраивало черногорского князя. В его апрельской ноте, направленной Наполеону III, выражалось согласие на признание сюзеренных прав Османской империи над Черногорией ради ее территориального расширения или выхода к морю. Князь также просил императора как „союзника Порты“ содействовать разграничению между Черногорией и Турцией, на что дано было согласие⁵⁰.

Пока князь Данило совершал свой парижский вояж, русская дипломатия активизировала деятельность в самой Черногории, где политика князя, направленная на компромисс с Портой и в ущерб независи-

⁴⁸ Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений ... С.136.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Распоповић Р.М. Дипломатија Црне Горе. 1711-1918. Подгорице-Београд, 1996. С.252. Князь Данило заявлял, что при черногорско-турецком разграничении некоторые земли, которыми черногорцы владели уже несколько лет, придется отдать Турции, обещая, что через некоторое время они вновь вернуться к черногорцам. В народной среде это вызывало большое негодование и неверие в заверения князя (А.Е. Сученков – А.П. Бутеневу, 27 июля / 9 августа 1857 г. // АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2390. Л.51).

мости страны, вызывала глубокое недовольство. Против князя был организован заговор, который возглавили Георгий Петрович и Милорад Медакович. Являясь сторонниками сохранения русского влияния в княжестве, и тот и другой были влиятельными политическими фигурами, имели несомненные заслуги перед страной, пользовались уважением в народе. В те дни П.Н. Стремоухов, явно сочувствовавший заговорщикам, информировал российское министерство иностранных дел о возможном восстании в Черногории с целью низвержения князя. Александр II, ознакомившись с донесением консула, сделал следующий вывод: „Если все население выступит против Данилы, оно может рассчитывать на нашу поддержку, так как мы не собираемся заботиться об этом несчастном“⁵¹.

Однако брат Данилы воевода Мирко Петрович сумел проникнуть в замыслы заговорщиков и оповестил о них князя. Из Парижа немедленно последовало отданное телеграфом распоряжение Данилы изгнать из Черногории всех родственников эмигрировавшего в Котор Георгия Петровича, их имущество подлежало конфискации. Князь также распорядился объявить народу, что Георгий Петрович и М. Медакович получили деньги от России, чтобы „возмутить народ“⁵².

Георгий Петрович, Милорад Медакович, который также бежал в Котор, направились отсюда в Вену, где Георгий Петрович намеревался просить австрийское правительство о создании международной комиссии для расследования положения в Черногории и путем коллективного вмешательства низложить Данилу. Однако эта идея не встретила поддержки в Петербурге, где сочли, что постороннее вмешательство в черногорские дела может осложнить ситуацию для России. Посол в Вене А.Ф. Будберг сумел убедить Георгия Петровича отказаться от его идеи, а взамен предложил, воспользовавшись отсутствием Данилы, возглавить восстание против князя, видя в этом единственное средство избежать закабаления страны Турцией. Будберг проинформировал Георгия Петровича, что субсидирование Черногории со стороны России будет продолжаться по-прежнему, но только в том случае, если скупщина провозгласит нового правителя. Георгий Петрович выразил готовность возглавить антикняжеское восстание, но при условии денежной помощи с русской стороны и предоставления убежища в России для себя и своих

⁵¹ Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений ... С.137.

⁵² Павићевић Б. Данило I Петровић Његош ... С.287. По сведениям, которыми располагал П.Н. Стремоухов, князь Данило еще перед своим отъездом в Париж „поручил Мирке умертвить Георгия Савича, братьев его и племянника Крсто“ (Црногорско-руски односи 1711-1918... С.291). В дальнейшем М. Медакович эмигрирует в Россию, где станет служить на должности коллежского секретаря в Азиатском департаменте МИДа, а потом будет чиновником русского консульства в Белграде.

сторонников в случае его неудачи. Через консула Стремоухова все это было ему обещано Горчаковым⁵³.

Российское руководство, сам император рассчитывали, что низложение Данилы позволит разрешить черногорский вопрос не только в интересах России, но и самой Черногории, ее народа. В эти дни Александр II писал великому князю Константину Николаевичу: „Узнал, что кн. Данило успел всех восстановить против себя, и весьма вероятно, что черногорцы не впустят его обратно. Если Франция вмешается в это дело, то из этого опять может завариться каша, так как мы не оставим черногорцев на произвол западных держав и Турции“⁵⁴. В российском руководстве преемником князя Данилы видели либо Георгия Петровича, либо его племянника Крсто, которые безоговорочно были настроены пророссийски.

Казалось, что князь Данило обложен со всех сторон, но все оказалось тщетным. Нерешительность руководителей заговора свела на нет все усилия со стороны России заменить черногорского правителя своим ставленником. Данило вернулся из Парижа, момент для восстания был упущен, и князь подверг репрессиям всех, кого он подозревал в заговоре. „В Черногории царствует теперь совершенное спокойствие, за которое Данила должен быть благодарен деятельности Мирко и прочих своих приверженцев, потому что в последнее время захвачены и посажены под арест все сколь-нибудь влиятельные лица, мнения которых неблагоприятны политике князя, и народ решительно остался без руководителей“ – отмечал Стремоухов в письме к Е.П. Ковалевскому⁵⁵. Вместе с тем долго копившееся в народной среде недовольство внешней политикой князя стало нарастать. Российский консул в Скадаре А.Е. Сученков, ссылаясь на свои источники, информировал посланника в Константинополе А.П. Бутенева о том, что „народ ропщет на князя Данилу более, нежели когда-нибудь“⁵⁶.

Радикальный способ решения черногорской проблемы стал невозможен, и за дело вновь взялась дипломатия. Последовавшее в сентябре 1857 г. свидание русского и французского императоров в Штутгарте создало дополнительные возможности для разрешения черногорского вопроса в интересах России. В обмен на косвенное обещание Александра II занять нейтральную позицию в предстоящей франко-ав-

⁵³ Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений ... С.138.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ П.Н. Стремоухов – Е.П. Ковалевскому, 26 апреля/8 мая 1857 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1857 г. Д.716. Л.26об.

⁵⁶ А.Е. Сученков – А.П. Бутеневу, 27 июля/9 августа 1857 г. // АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2390. Л.51.

стрийской войне Наполеон III согласился уступить России в черногорском вопросе. Однако российской дипломатии, по словам Горчакова, пришлось „немало потрудиться“, чтобы на деле обеспечить себе содействие в этом французского правительства⁵⁷.

Таким образом, рушились непомерные надежды, возлагавшиеся Данилой на Францию, и опять Россия становилась той силой, на которую приходилось опираться смирившему свою гордыню и амбиции князю. К тому же, и это главное, сам Данила к этому времени стал прозревать и уже не верил, как прежде, обещаниям Геккара о расширении границ Черногории⁵⁸. Сменивший Стремоухова на должности генерального консула в Рагузе Константин Петкович в письме канцлеру А.М. Горчакову замечал, что „Данило начинает чувствовать тяжесть и невыгоды положения, в которые он себя поставил относительно к нам“⁵⁹. В свою очередь секретарь князя Данилы по внутренним делам Л. Влахович, находясь проездом в Которе и встречаясь с доверенными лицами К. Петковича, заявил: „Жизнь Черногории без России есть полужизнь, что князь готов сделать все, что от него зависит, чтобы загладить свое прошедшее и возобновить благоденственный для его края союз с Россией“⁶⁰. Данила был полностью готов сделать первый шаг к примирению. И в этом определенную положительную роль сыграл сербский литератор и публицист, русофил по убеждениям, родственник сербского князя Александра Карагеоргиевича Любомир Ненадович, прибывший в Черногорию в самом конце 1857 г. либо в начале января 1858 г. для организации в Черногории типографии и издательского дела. Он по поручению князя доставил российскому послу в Вене Будбергу письмо от князя Данилы, где выражалось его желание и черногорских властей восстановить традиционные политические отношения с Россией⁶¹. В свою очередь сам Данило через К.Д. Петковича направил письмо Александру II, в котором, именуя императора „великим покровителем и всегдашним благодетелем“, заявлял, что всегда был предан России, и просил о возобновлении покровительственных отношений⁶².

⁵⁷ Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений ... С.141.

⁵⁸ П.Н.Стремоухов – А.П. Бутеневу, 26 октября/8 ноября 1857 г. // АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2390. Л.146.

⁵⁹ К.Д. Петкович – А.М. Горчакову, 9/21 февраля 1858 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.24-25.

⁶⁰ К.Д. Петкович – А.М. Горчакову, 11/23 февраля 1858 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.45.

⁶¹ См. о нем: Павићević Б. Данило I Петровић Његош ... С.325, 329-330; К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 23 февраля/7 марта 1858 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.46об.

⁶² Князь Данило – Александру II, 23 февраля/7 марта 1858 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.292-293.

Однако Александр II по-прежнему не доверял Даниле. На утверждение князя о том, что его противники представляют Данилу „своему отечеству смертельным врагом“, император сделал следующую собственноручную помету: „Таким я его и считаю“⁶³. Одновременно князь Данила пытался воздействовать и на канцлера А.М. Горчакова, обращаясь к нему с просьбой „употребить все старания“, чтобы опять возобновить прерванные отношения с Черногорией⁶⁴. В июне 1858 г., впервые после разрыва отношений, К. Петкович нанес визит в Цетинье, где его ожидал самый радушный прием не только со стороны восторженных черногорцев, но и князя. Данила убеждал консула в желании сохранить „милость православного царя“ и свободу Черногории, заявляя, что черногорцы „жертвуют свою жизнь только за три вещи: свою веру, независимость и преданность к России“. Стремясь дезавуировать все то, что он сделал ранее, князь старался убедить К.Д. Петковича, что его план признания верховной власти Турции над Черногорией был вызван исключительно тем, чтобы „оправдать себя в глазах Европы миролюбивым желанием покончить вековые споры с турками“⁶⁵.

Спешить князя с нормализацией черногорско-русских отношений заставляло и то обстоятельство, что Порта вновь заняла угрожающую позицию в отношении Черногории. Случилось это после новой волны антитурецких выступлений летом 1857 г. в пограничных областях Герцеговины. Центром антитурецкого восстания в 1857-1858 гг. стало Грахово, населению которого черногорский князь запретил платить налоги местным феодалам. Под давлением австрийской и английской дипломатии князь Данило вынужден был официально провозгласить нейтралитет, заявив о невмешательстве Черногории в герцеговинские события. Однако в действительности черногорский правитель всячески содействовал разрастанию восстания в Герцеговине и закреплению там черногорского влияния. Он рассчитывал тем самым добиться фактического расширения территории княжества путем привлечения на свою сторону пограничного православного населения и перехода его в черногорское подданство. В Герцеговину скрытно просачивались боевые отряды черногорцев, их помощь повстанцам была эффективной, помогала одерживать победы в сражениях с турками. Князь упорно продолжал настаивать на своей непричастности к герцеговинским событиям, заявляя, что черногорцы-перебежчики (ускоки) действуют самостоятельно, последние также делали вид, что не имеют связей с Черногорией и ее правителем. Впрочем, этим

⁶³ Там же. Л.294об.

⁶⁴ Н.И. Хитрова. Черногория в национально-освободительном движении ... С.124.

⁶⁵ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 24 июня/6 июля 1858 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.104-105об.

заявлениям мало кто верил в Европе, а Порты не сомневалась, что в эпицентре герцеговинских событий находятся черногорцы и их князь. Присланные в Герцеговину комиссары Порты Камаль-эфенди и Кияни-паша (Джани-паша) были убеждены, что райи восстали не вследствие злоупотреблений со стороны османских властей, а были „возбуждены извне, то есть Черногорию“⁶⁶. Британский вице-консул в Мостаре потребовал от Данилы удаления черногорцев из Герцеговины.

В отличие от Англии, чья политика традиционно ориентировалась на поддержку всех требований Порты, Австрия вела более умелую и тонкую игру в Герцеговине. Российский консул в Мостаре А.С. Ионин информировал Петербург в январе 1858 г., что Австрия в начале восстания открыто снабжала христиан порохом и свинцом⁶⁷. В свою очередь К.Д. Петкович сообщал в российское министерство иностранных дел лишь об обещаниях со стороны Австрии оказать помощь повстанцам боеприпасами и даже войсками⁶⁸. Одновременно с этим австрийские власти призывали герцеговинское население принять покровительство Австрии и даже перейти в ее подданство путем получения австрийских паспортов, обещая им при этом избавление от турецкой власти, уплаты податей и несения повинностей⁶⁹. Как верно замечает российский историк-славист В.И. Косик, такая умная тактика позволяла Австрии осваивать Боснию и Герцеговину⁷⁰. И здесь Черногория и ее князь были как кость в горле для Вены, выступая как соперник габсбургской монархии, в значительной степени затрудняя и перекрывая пути ее проникновения в Герцеговину, препятствуя закреплению там австрийского влияния. Австрия, признававшая независимость Черногории в ходе черногорско-турецкой войны 1852-1853 гг., теперь вновь видела в ней лишь турецкую провинцию, поскольку считала именно ее главной виновницей активизации национально-освободительного движения на Балканах. Таким образом, сложившаяся обстановка и развитие событий существенно и негативным образом для Вены затрагивали австрийские интересы в здешнем регионе Балкан. Действия князя Данилы представляли угрозу, по крайней мере потенциальную, не только для Герцеговины и турецких владений на Адриатике, но и для австрийской Далмации, бывшей в то время австрийским захолустьем, слабо развитой в

⁶⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850-1864. Документы. М., 1985. С. 162.

⁶⁷ Там же. С.108.

⁶⁸ Там же. С.136.

⁶⁹ Там же. С.378.

⁷⁰ Косик В.И. Австрийская политика в Боснии и Герцеговине (по материалам советско-югославской публикации документов)//Босния, Герцеговина и Россия в 1850-1875 годах: Народы и дипломатия. М., 1991. С.146.

экономическом и культурном отношении провинцией. Австрийские чиновники не высказывали желания служить в Далмации. По остроумному замечанию известного французского исследователя и путешественника К. Мармье, „Для жителя Вены ехать в Далмацию все равно что жителю Санкт-Петербурга в Иркутск“⁷¹. В перспективе присоединение к австрийским владениям Боснии и Герцеговины позволило бы Австрии, помимо прочего, укрепить и обезопасить положение Далмации, окруженной со всех сторон турецкими владениями, соседствовавшей с „разбойничьим гнездом“ – так австрийская пресса в те времена именовала Черногорию. Таким образом, вольно или невольно Черногория и ее князь вновь оказались в центре балканских событий.

Находившиеся в Герцеговине комиссары Порты призывали повстанцев сложить оружие, суля помилование тем, кто сделает это добровольно. Одновременно с этим Кемаль-эфенди предложил Даниле вступить в переговоры по поводу спорных территорий (Грахово, Зубцы, Баняны и др.), обещая удовлетворить территориальные претензии князя при условии признания им верховной власти султана. В этом случае Даниле были обещаны деньги на содержание правительства, церквей, школ и пр. Несмотря на настойчивые рекомендации со стороны Австрии Данило отказался от каких-либо переговоров о турецком сюзеренитете. „В первый раз можно его похвалить“, – так отзывался об этом решении князя Александр II⁷².

В конце апреля 1858 г. Турция, пользуясь молчаливым согласием Австрии, сконцентрировала войска вблизи черногорских границ и двинула их в сторону Грахова. Таким образом, турецкая оккупация Черногории становилась все более реальной. В дело была вынуждена вновь вмешаться дипломатия. И здесь франко-русское сближение по черногорскому вопросу вновь сыграло свою положительную роль. В эти тревожные для Черногории и князя дни Наполеон III заявил, что не потерпит вторжения Турции в Черногорию. Александр II, отказывая в турецких претензиях на Грахово, считал нужным выступить по этому поводу с демаршем перед Портой, а в случае его игнорирования император предлагал отозвать российского посла из Константинополя. Во французской прессе появилась статья, где высказывалось мнение, что: „хотя Парижский договор и гарантировал целостность Османской империи, но не ценою жертвования христианским элементом и населением, которое веками могло сохранять независимость“⁷³.

⁷¹ Из Парижа в Черногорье. Путевые заметки К. Мармье // Библиотека для чтения. 1854. Т.124. №3. Отд. III. С.18.

⁷² Рыжова Р.И. Из истории русско-черногорских отношений ... С.142.

⁷³ Там же. С.143.

Таким образом, серьезная дипломатическая атака на Порту была подготовлена. Произведенный затем совместно русско-французский демарш в категорической форме поставил перед Портой два вопроса, суть которых заключалась в том, намерена ли Турция вооруженным путем решать черногорский вопрос и обязуется ли она немедленно отвести войска от Грахова или намерена его оккупировать. Благодаря нажиму со стороны Франции к демаршу присоединилась и Великобритания. Это произвело ошеломляющее впечатление на Порту, привыкшую к британской поддержке, которая распространялась и на признание Черногории частью Османской империи. Одновременно Уайт-холл внес предложение создать международную комиссию из представителей пяти держав с участием представителей Черногории и Турции для обсуждения вопроса о разграничении Османской империи и Черногории⁷⁴. В Петербурге эта идея британского кабинета была воспринята без колебаний. Австрия, хотя и крайне неохотно, согласилась принять участие в переговорах о разграничении, но лишь в случае признания Черногорией вассальной зависимости от Османской империи. Более того, Австрия демонстрировала готовность совместно с Турцией оккупировать Черногорию⁷⁵.

Несмотря на такой беспрецедентный международный нажим трех ведущих европейских держав турецкие войска под командованием Хуссейна-паши все же вошли в Грахово, где 1/13 мая 1858 г. произошла знаменитая в черногорской истории Граховская битва, в ходе которой объединенные силы черногорцев и герцеговинских повстанцев под командованием Мирко Петровича наголову разбили турецкие войска. В граховском сражении приняло участие и „значительное число австрийских подданных“ из приграничных мест Далмации. Это были бокезцы, рисанцы, кривошеяне⁷⁶. Граховская победа упрочила военное положение Черногории, сделала ее менее уязвимой. Биограф князя Данилы академик Б. Павичевич справедливо замечал по этому поводу, что защита Грахова для Данилы являлась защитой Цетинье⁷⁷, поскольку оккупация Грахова создавала удобный плацдарм для нападения на Черногорию и проникновения в глубь ее. Граховская победа всенародно праздновалась в Черногории, в ее честь была отлита специальная медаль. Князь издал декрет о присвоении Мирко Петровичу почетного звания „Великий воевода“. Черногорская победа нашла широкий отклик в Европе,

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Јовановић Р. Црна Гора и велике силе... С.80.

⁷⁶ Выписки из различных донесений в МИД секретаря консульства в Сараеве А.С. Ионина // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.219об., 222, 229.

⁷⁷ Павичевић Б. Данило I Петровић Његош ... С.336.

особенно в югославянских землях и „славянском мире“ в целом, где авторитет Черногории и ее князя необычайно возрос. Когда же участник многих политических событий того времени сенатор и воевода Иво Раков Радонич посетил находившийся под английским владычеством остров Корфу, то восторженная толпа греков прославляла черногорцев и выкрикивала: „Будем бить вместе турок и англичан“⁷⁸.

Поражение при Грахово, но главным образом весомая международная поддержка Черногории сделали Порту уступчивой. Турция прекратила военные действия, пошла на перемирие с герцеговинскими повстанцами, дала согласие урегулировать взаимоотношения с Черногорией и провести с ней разграничение. В свою очередь Россия и Франция усилили обоюдный нажим на Турцию, прибегнув даже к совместной военно-морской демонстрации в поддержку черногорских требований в конфликте с Портой. Появление у берегов Адриатики французских линейных кораблей „Альжесирас“ и „Эйлау“ и русского фрегата „Полкан“ из направленной в Средиземное море эскадры контр-адмирала Беренса произвело в Европе, особенно в Вене, надлежащее впечатление, возымело эффект и на Порту.

Командир русского фрегата капитан второго ранга Ф.О. Юшков с женой, тремя офицерами и сопровождавшим их консулом К.Д. Петковичем в конце сентября 1858 г. посетили Цетинье с трехдневным визитом. Черногорский князь произвел на Юшкова самое благоприятное впечатление: „Это человек с большими достоинствами, умеет владеть собою и обладает сильною энергиею, я заметил, что его любят и в то же время боятся. Разговор его привлекателен, когда он говорит, голубые глаза его (у князя глаза были зеленые. – Ю.А.) загораются, мысли его оригинальны, он говорит скоро и с жаром, но всегда очень ясно и убедительно, без сомнения, это человек необыкновенный“⁷⁹. Времена поменялись, ситуация стала иной. Теперь Россия и русские стали вновь в почете у князя. Ни слова упрека в адрес России не услышали русские офицеры за время пребывания в Цетинье. Князь – сама любезность, он наградил моряков орденами „За независимость Черногории“, княжна Даринка – умна, образованна и тактична, радушная хозяйка и очаровательная женщина. С такими впечатлениями Юшков покидал Цетинье, считая, что „эти три дня навсегда останутся запечатленными в нашей памяти“. Одновременно с этим навсегда покинул Черногорию и Анри Деларю. Однако французское влияние здесь еще пока сохраняло-

⁷⁸ К.Д. Петкович – К.В. Кноррингу, 25 ноября/7 декабря 1857 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1858 г. Д.717. Л.196об.

⁷⁹ Выписка из письма капитана второго ранга Юшкова, 23 сент./5 окт. 1858 г., Рагуза // Морской сборник. 1859. Т.XLI. №5-6. С.67.

сь. Впрочем, такого опасения, как ранее, оно уже не вызывало. Так, А.Е. Влангали считал, что для Черногории главный вопрос связан с ее независимостью, и в этом возможное теперь содействие французов „не может быть вредно“⁸⁰. И действительно, И. Геккар с пользой для дела плодотворно сотрудничал с А.Е. Влангали и К.Д. Петковичем при решении возникавших проблем черногорско-турецкого разграничения. Надо сказать, что Е.П. Ковалевский относился к личности И. Геккара с известной долей симпатии, поскольку Геккар, как и сам Ковалевский, „увлекся характером и духом Черногории, которая не на него одного имела столь обаятельное влияние“. Отмечая совершенную преданность Геккара Черногории, Ковалевский сомневался все же в его личной преданности князю Даниле⁸¹.

После проволочек, споров, конфликтов и компромиссов на конференции послов великих держав и Порты в Константинополе 27 октября/8 ноября 1858 г. была подписана конвенция о разграничении Турции и Черногории. Окончательно международная комиссия по разграничению, в состав которой входили и российские представители инженер-капитан А.Е. Влангали, которого в 1859 г. заменит консул Петкович, и топограф Быков, завершила свою работу лишь в апреле 1860 г., а последний пограничный знак был установлен в ноябре в районе Спича. Территория Черногории расширялась на западных и северо-западных рубежах в сторону Герцеговины и Шкодринского санджака. К ней были присоединены Грахово, Рудина, Ускоке, Никшичская Жупа, Тушина, Липово, около половины Дробняка, части Кучи, Додоше, Верхние Васоевичи. Территория Черногории увеличилась на 1500 км² и теперь составляла 4400 квадратных километров, а население увеличилось до 125-130 тысяч человек⁸². Однако страна по-прежнему оставалась отрезанной от моря, а без морского порта, как справедливо отмечал князь Данило, Черногория – тело без души. Кроме того, в результате разграничения вне пределов Черногории оказались Зубцы, Крушевицы, Баняны, Пива, часть Дробняка, Шаранцы, Нижние Васоевичи и Кучи Дрекаловичи. Положение этих областей теперь только ухудшилось, поскольку ранее власть Порты была здесь сугубо номинальной, господ-

⁸⁰ А.Е. Влангали – Е.П. Ковалевскому, 13/25 июля 1858 г. // АВПРИ. Ф.ГА Политотдел. 1858-1860 гг. Д.1. Л.58об.

⁸¹ Проект инструкции Е.П.Ковалевского А.Е.Влангали, 26 июня/8 июля 1859 г. // АВПРИ. Ф.ГА. Политотдел. 1858-1860 гг. Д.1. Л.39об.

⁸² Јовановић Ј. Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С.224; Н.И.Хитрова. Черногория в национально-освободительном движении ... С.137; Andrijašević Ž. М. Crna Gora od najstarijih vremena do Balkanskih ratova // Istorija Crne Gore od najstarijih vremena do 2003. Podgorica, 2006. S.191; История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856-1878 гг.). М., 2012. С.134.

ствовали черногорские порядки и турецкие чиновники не осмеливались даже появляться в этих местах⁸³. Неслучайно, что вскоре население Банян, Зубцев и Крушевицы не захотело признать решение константинопольской конференции, заявив Порте, что оно считает себя черногорскими подданными⁸⁴. Таким образом, территориальные проблемы в черногорско-турецких отношениях сохранялись. Вместе с тем Черногория, присоединив герцеговинские области, стала существенно богаче лесами и пастбищами, значительно увеличила свои силы родным, тесно связанным с черногорцами населением.

Однако мир на новых границах Черногории все же не был прочен. Когда в ноябре 1859 г. Геккар от имени французского правительства советовал князю Даниле поддерживать мир на границе с Турцией, то Мирко Петрович ответил консулу следующее: „между Турцией и Черногорией не может быть мира до тех пор, пока ни одного турецкого воина не будет вблизи Черногории и пока наши братья не освободятся от турецкого ига и не обнимут друг друга как другие счастливые народы“⁸⁵.

Само по себе черногорско-турецкое разграничение с международно-правовой точки зрения следует воспринимать как нонсенс, поскольку Черногория вплоть до 1878 г. официально продолжала считаться частью Османской империи. Вместе с тем этим разграничением Черногория впервые в своей истории обрела четко очерченные границы, что свидетельствовало о неформальном признании Европой политических реалий, согласно которым черногорское государство являлось фактически независимым, а ее князь – суверенным правителем. Разграничение Черногории с Османской империей полностью отвечало интересам не только Черногории, но и России. Как отмечал в своем донесении сменивший Будберга на должности посла в Вене В.П. Балабин, „этой успешной развязкой достигается одна из важнейших целей нашей восточной политики, упрочением фактической независимости Черногории, законным отделением ее от турецких владений“⁸⁶. Это суждение высокопоставленного российского дипломата наглядно демонстрировало полное совпадение интересов России и Черногории, чего нельзя, за крайне редким исключением, сказать о политике других европейских держав относительно Черногории. На присоединен-

⁸³ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 27 декабря 1859 г./8 января 1860 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1859 г. Д.719. Л.257.

⁸⁴ Н.И. Хитрова. Черногория в национально-освободительном движении ... С.137.

⁸⁵ Јовановић Ј. Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С.224-225.

⁸⁶ В.П. Балабин – Е.П. Ковалевскому, 30 ноября /13 декабря 1859 г. // АВПРИ. Ф.ГА. Политотдел. 1858-1860 гг. Д.1. Л.160об.

ных землях князь Данило проводил политику веротерпимости, мусульмане были уравниены в правах с православным населением, им было гарантировано право собственности на землю. Следствием такой политики князя стало то, что мусульмане оттуда не захотели переселяться в Турцию. Более того, пограничное мусульманское население турецких владений, в основном имевшее славянские корни, переселялось в Черногорию, принимая черногорское подданство. Так поступили мусульмане из Никшича и других мест. Князь Данило наделял мусульман-переселенцев различными льготами⁸⁷. В связи с разграничением у Данилы возникали идеи, направленные на совершенствование условий жизни черногорцев. В беседе с К.Д. Петковичем он замечал, что теперь начинается для Черногории „новая эпоха жизни с новыми нуждами и потребностями“. Князь строил грандиозные по черногорским масштабам планы о переносе „столицы“ из Цетиньи в другое, более удобное место, о построении новых сел и городов, заведении хотя бы какой-нибудь промышленности, развитии торговли, мечтал об открытии новых школ, о строительстве хороших дорог, о разведении оливковых и тутовых деревьев. Во всем этом Данила надеялся на помощь со стороны России, ибо только она, отмечал князь, была в состоянии упрочить „счастье и будущее“ черногорского народа. Князь просил Петковича ходатайствовать перед русским правительством о присылке в Черногорию опытного инженера для выбора места „новой столицы“ и укрепления черногорских границ, а также просил оставить топографа Быкова для составления карты Черногории⁸⁸. В конце 50-х годов происходит усиление единоличной власти князя. „При посещении мною Черногории я не мог не удивиться покорности всех черногорцев разных нахий верховной власти князя и страху, не без уважения, который он умел к себе вселить. Все почти нахии вносят аккуратно подати, чего прежде многие слышать не хотели; споры между ними не обращаются в кровопро-

⁸⁷ Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении ... С.140.

⁸⁸ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 1/13 декабря 1859 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1859 г. Д.719. Л.240-241об. Князь Данила по мере сил и возможностей старался улучшить положение дел в сельском хозяйстве. Благодаря его усилиям и поощрительным мерам в нахиях с благоприятным климатом стало развиваться шелководство. Черногорцы продавали шелковичные коконы и семена в Котор или у себя на местах, куда за ними приезжали перекупщики из Италии, преимущественно из Милана. От этих торговых операций в 1860 г. жители Црмницкой нахии выручили около 30 тысяч гульденов, а Риечской, где в первый раз были выведены шелковичные черви, – около 10 тысяч. Помимо этого Данило заключил двухгодичный контракт с итальянским агрономом для учреждения „образцовой фермы“ в Белопавличах. Из Венеции и Милана им были выписаны плуги и другие земледельческие орудия, „невиданные доселе в Черногории“ (К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 5/17 декабря 1860 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1860 г. Д.721. Л.123-124).

литие и везде власть князя действительна“, – замечал по этому поводу А.Е. Влангали⁸⁹.

Внимание всех югославянских народов, находившихся под турецким владычеством, было приковано к Сербии и Черногории, поскольку на эти два княжества возлагались самые большие надежды в борьбе за освобождение. Поэтому от того, как складываются сербско-черногорские отношения, многое зависело. При князе Даниле они не были интенсивны и дружественны и носили в основном негативный характер. Сербия ничем не помогла Черногории во время войны с Турцией 1852-1853 гг. Явная проавстрийская политика Александра Карагеоргиевича (1842-1858 гг.) не устраивала князя Данилу, делавшего ставку на реставрацию на сербском престоле династии Обреновичей. В свою очередь в сербском руководстве было желание свергнуть Данилу и возвести на черногорский престол Стевана Перовича Цуцу, племянника митрополита Петра II⁹⁰, но этот наиопаснейший враг князя Данилы по его приказу в июне 1857 г. был убит в Константинополе, где незадолго до гибели он вел переговоры с великим визирем о положении дел в Черногории⁹¹. Вместе тем, когда Свято-Андреевская скупщина в 1858 г. низложила Александра Карагеоргиевича, то Данило, несмотря на все разногласия, руководствуясь принципом легитимизма, был готов направить в Белград 4-5 тысяч черногорцев для восстановления на сербском престоле низложенного князя как законного правителя Сербии⁹². Однако до этого дело не дошло. Кратковременность вторичного правления Милоша Обреновича (1859-1860) и смерть самого Данилы не позволили придать импульс развитию черногорско-сербских отношений, хотя он и направил в Белград сенаторов Иво Ракова Радонича и Петара Стеванова Вукотича с поздравлением Милоша в связи с его восшествием на престол. Им также предписывалось узнать планы сербского князя и его окружения относительно положения дел в Европе и какую роль могли сыграть Данила и Милош, если бы „интересы отечества вызвали на сцену также черногорцев и сербов“⁹³. И на излете правления князя Да-

⁸⁹ А.Е. Влангали – Е.П. Ковалевскому, 16/28 сентября 1858 г. // АВПРИ. Ф.ГА Политотдел. 1858-1860 гг. Д.1. Л.76об. Вместе с тем Влангали не идеализировал личность Данилы, характеризуя его следующим образом: „Князь по природе чистый черногорец, но полученное им полуобразование, чрезмерное честолюбие, увеличенное последними удачами черногорцев, несамостоятельность в идеях и вспыльчивость характера, стали причиной многих его поступков в последующие годы“ (Там же. Л.73).

⁹⁰ Распоповић Р.М. Дипломатија Црне Горе. 1711-1918... С.263.

⁹¹ Јовановић Р. Црна Гора и велике силе... С.47. Стеван Перович Цуца 10 июня 1857 г. во время его вечерней прогулки с секретарем российского посольства П.Е. Новиковым был застрелен Йоко Кусовацем (Симоновић Б. Зеко Мали. Београд, 2002. С.179).

⁹² Павићевић Б. Данило I Петровић Његош ... С.414.

⁹³ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 30 марта/12 апреля 1859 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2.

нили Черногория по-прежнему оставалась маяком для балканских народов, ведущих борьбу за национальное освобождение. В марте 1860 г. Цетинье посетил греческий генерал родом из Македонии, болгарин по национальности, Димитрий Карадаша. Этот, по словам Петковича, „старый клефт“, отличившийся в боях с турками, известил Данилу, что христиане в Фессалии, Эпире, Македонии и Болгарии готовы к восстанию против турок и в этом деле они надеются „на храбрых черногорцев“. Поскольку генерал не имел рекомендаций ни из Афин, ни с Корфу, князь не решился с ним откровенничать. Черногория была отправной точкой вояжа Карадаша, намеревавшегося также посетить Вену, Белград и Дунайские княжества. Откровенно беседуя с К. Петковичем по поводу предложений Карадаша, князь заметил, что его внимание обращено теперь на Сербию, поскольку именно она имеет возможность начать сейчас антитурецкую борьбу за освобождение славян. Сетуя на преклонный возраст князя Милоша, Данила высказал все же желание отправить к нему своего эмиссара с призывом „приступить к делу“. Данила при этом соглашался подчиниться Милошу как „простой воин“ и бороться до последней капли крови „за общее благо сербского народа“. Одновременно Данила считал, что Европа не будет мешать славянам „устроить свои домашние дела“. Свою беседу с Петковичем князь закончил следующими словами: „Наше дело – дело России, и мы питаем крепкую надежду, что она возьмет его в свои мощные руки и не оставит нас блуждать в неведении, обращать взоры к нашим ложным приятелям и искать защиты и опоры там, где ждет нас пропасть и неминуемая гибель“⁹⁴.

В условиях нарастания национально-освободительного движения балканских народов князь Данило усиливал военные приготовления. В 1860 г. в стране был введен особый налог для закупки военного снаряжения, согласно специальному распоряжению правительства

Оп.181/2. 1859 г. Д.719. Л.77об.-78.

⁹⁴ К.Д. Петкович – Е.П. Ковалевскому, 10/22 апреля 1860 г. // АВПРИ. Ф.ГА V-A2. Оп.181/2. 1860 г. Д.721. Л.88-89. Заметим, что Россия, безусловно сочувствуя „славянскому делу“, приступая в 60-е годы к проведению „Великих реформ“, в том числе и военной, не была еще готова к военной поддержке славян из-за риска оказаться втянутой неподготовленной в большую европейскую войну. Печальный опыт Крымской войны был тому примером. Без помощи и поддержки со стороны России антитурецкие восстания на Балканах были обречены на неудачу, что, в частности, продемонстрировала черногорско-турецкая война 1862 г. В этой ситуации балканским славянам оставалось только надеяться и ждать. Однако успешный исход ожиданий наступит лишь в 70-е годы, когда очередной Восточный кризис увенчался русско-турецкой войной 1877-1878 гг., итогом которой, помимо прочего, стало международное признание суверенитета Черногории, расширение ее территории и обретение долгожданного выхода к Адриатическому морю.

каждый воин был обязан иметь свой запас патронов, в каждой нахии был создан резерв боеприпасов. Проводимые в стране преобразования, направленные на мобилизацию военных ресурсов, не могли не тревожить как Турцию, так и Австрию. Недовольна князем была и оппозиция. Причем если внутренние оппозиционеры вынуждены были молчать, то эмигранты ничем не были скованы. Находясь за границей, они публично, в том числе и в прессе, обвиняли Данилу во всех бедах Черногории. Черногорская эмиграция не была однородна, ее особое ответвление представляли поп Пуниша Павичевич и его шурин Тодор Кадич, последний в 1860 г. нашел прибежище в турецких владениях. Тодор Кадич и Пуниша Павичевич, помимо прочего, имели личные причины ненавидеть Данилу. Князь, чтобы поссорить их со своим противником, эмигрантом Мило Мартиновичем, выдал жену Павичевича при живом и законном муже вторично замуж за мужчину из семейства Мартиновичей, хотя согласно статье 69 Законника князя Данилы за это полагалась смертная казнь⁹⁵.

31 июля/12 августа 1860 г. находившийся на отдыхе с княгиней и свитой князь Данило прибыл в Котор, где в тот же вечер во время прогулки на него было совершено покушение. Тодор Кадич с расстояния „двух шагов“ выстрелом в спину смертельно ранил князя⁹⁶. На следующий день Данило скончался, успев назначить своим преемником племянника Николу Петровича Негоша, сына Мирко Петровича. Прах князя был переправлен в Черногорию и захоронен в Цетинском монастыре. Возможно, к покушению на князя Данилу каким-то образом были причастны австрийские власти, которым был известен Кадич, получавший от них денежную помощь. Однако на этот счет нет прямых доказательств, да и вряд ли они возможны. „Московские ведомости“ несколько позже сообщали, что все австрийские газеты утверждают, что убийство князя Данилы было не политическим актом, а личной мстью⁹⁷. Во вся-

⁹⁵ Јовићевић В.Д. Данилов Законик. Снага државе. Подгорица, 1994. С.94.

⁹⁶ Тодор Кадич по приговору суда был повешен 13 октября 1860 г. В ночном разговоре перед казнью с офицерами, священниками и иными лицами Кадич обвинял князя Данилу в гибели пяти его родственников, конфискации имущества, насильной выдаче его сестры вторично замуж при живом муже, в постоянном его преследовании со стороны Данилы и Геккара. Однако мысль об убийстве князя пришла к Кадичу лишь после того, как он узнал, что Данила назначил „варварскую цену“ в 500 форинтов за его голову. После этого Кадич решил „продать свою жизнь подороже“. Как утверждал Кадич, обо всем этом его известил албанец Алил Бегов Сулетич, у которого он ранее был в услужении. Именно Сулетичу предназначались 500 форинтов, выделенных Геккаром за принесенную как доказательство голову Кадича или выдачу его живьем князю, но такое „подлое предложение“ не прельстило Сулетича (Симановић Б. Зеко Мали... С.279-284).

⁹⁷ Московские ведомости. 1860. 10 сентября. №196.

ком случае смерть Данилы не повергла Вену в скорбь. Верно было то, что Данило являлся сильнейшей помехой австрийскому правительству, разделявшему мнение губернатора Далмации Л. Мамулы о князе Даниле, считавшем, что не будет мира в Черногории и Герцеговине, пока Данило „будет хозяином на Цетинье“⁹⁸.

Смерть черногорского князя с огорчением была воспринята в славянофильских кругах России. Так, находившийся в то время в Белграде И.С. Аксаков писал в Москву своей матери: „Вот и князя Данилу убили! Убил его не народ и даже не партия Георгия Петровича, изгнанная Данилою из Черногорья, а просто черногорец из личной мести... В настоящую минуту смерть Данилы очень некстати: он поддерживал восстание в Герцеговине и готовился к войне с Турцией. Хотя Данило был и неблагодарен относительно России и подпал под совершенное влияние Наполеона, но жаль его: у него была цель, к которой стремился, – идея, за которую он постоянно подвергал свою жизнь опасности; были честолюбивые мечты и планы за Черногорию. Ему не было и 30 лет (Даниле было 34 года. – Ю.А.), но он непременно присоединил бы к себе Герцеговину и создал бы из Черногории целую державу“⁹⁹.

Jurij ANSAKOV

PRINCE DANILO, A SELF-GOVERNING RULER OF MONTENEGRO

Summary

Prince Danilo Petrovic (1851-1860) left a significant mark in the history of Montenegro. His numerous reformist activities have contributed to the further development of state institutions in Montenegro. The separation of the secular authorities, activities directed towards the centralization of power, the liquidation of tribal separatism, further building legislation and the strengthening of military forces represent an important step on the path of modernization of Montenegrin society. In implementing these reforms Prince Danilo has encountered resistance but it was brutally eliminated. Change of the foreign policy in 1856-1857 was an important event in the history of Montenegro. A departure from the traditional pro-Russian policies and seeking support from the French rulers (the Paris Conference, 1856.) have been met with strong opposition both at home and at the official Russia.

⁹⁸ Јовановић Р. Црна Гора и велике силе... С. 244.

⁹⁹ И.С. Аксаков – О.С. Аксаковой, 7/19 августа 1860 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф.109 СА. Оп.4а. Д.399. Л.1-1об.

Plan for Montenegro to recognize Turkish suzerainty in exchange for large territorial expansion has also created a large opposition to Prince Danilo. By changing the attitude towards France Montenegro has again accepted the patronage of Russia. In such circumstances, the Montenegrin army took a significant victory over the Turks in the battle on Grahovo, in May 1858. This victory had long-term consequences for the position of Montenegro. Montenegro seized some areas and increased its territory, leading to a conference on border demarcation (in autumn 1858) when Turkey actually recognized Montenegro as an independent state.